

ДЕТЕКТИВ & ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анна Вячеславовна Устинова
Антон Давидович Иванов
Загадка театральной премьеры
Серия «Компания с Большой
Спасской», книга 19

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6664930

Антон Иванов, Анна Устинова. Загадка театральной премьеры:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-67530-2

Аннотация

Что за жуткое, ледящее кровь пение услышал в совершенно пустой квартире Лешка Пашков? Какое отношение оно имеет к похищению прямо со сцены театра актрисы Инги Турундаевской? И, наконец, кто задумал и осуществил это дерзкое преступление? Только связав воедино все эти события, Компания с Большой Спасской сумеет вплотную подойти к разгадке новой тайны...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Антон Иванов,
Анна Устинова**

**Загадка театральной
премьеры**

Глава 1

**Лешка Пашков пребывает
в полном недоумении**

- Да говорю же тебе! – воскликнул Пашков. – Я сам ничего не понимаю. Поэтому и решил с тобой посоветоваться.
- Тогда сперва объясни, что тебе непонятно, – отозвался Олег.
- Мне пока все непонятно, – ответил Лешка.
- Честно сказать, мне тоже, – усмехнулся Олег. – Давай объясни как следует.
- Я слышал голоса, – объявил Пашков и умолк.
- Олег невольно улыбнулся.
- Между прочим, ничего смешного, – снова заговорил Лешка.
- А я и не смеюсь, – уже совершенно серьезно ответил

Олег. – Чего тебе эти голоса сказали?

– Они не говорили, а пели, – внес некоторую ясность Лешка.

– Так это, наверное, у соседей радио или там телевизор, – предположил друг.

– При чем тут радио или телевизор! – возмутился Лешка. – Русским языком тебе говорят: это было совсем не такое пение.

– А какое? – решил уточнить Олег.

– Совсем другое, – откликнулся Лешка.

– Может, тебе приснилось? – с надеждой произнес Олег. – Ты когда это пение слышал?

– Вчера, – сказал Лешка.

– Ночью? – задал новый вопрос Олег.

– Нет, днем, – ответил Пашков. – В пять часов. Точнее, в семнадцать ноль-ноль.

– А Сашок тоже слышал? – поинтересовался Олег.

– Не слышал, – покачал головой Лешка. – Я один сидел дома.

– Понятно, – не сводил Олег глаз с Пашкова. – Значит, ты просто сидел, а потом услышал странное пение?

– Вообще-то я занимался, – начал объяснять Лешка. – Задачки по физике делал.

– Тогда ясно, – снова не смог сдержать улыбки Олег. – Наверное, ты просто заснул над задачами. Вот у тебя кто-то во сне и пел.

– И не думал засыпать, – возразил Пашков. – В отличие от некоторых я люблю физику. Мне интересно.

– Черт с ней, с физикой, – перебил Олег. – Давай ближе к делу. Значит, ты делал задачи...

– Ну, – подтвердил Пашков. – Три уже были сделаны. Я как раз взялся за последнюю. Только условие записал, тут и началось...

– Да что началось-то? – уже хотелось скорее добраться до сути Олегу.

– Я сперва вообще ничего не понял, – пожал плечами Пашков. – Просто мне вдруг как-то жутко сделалось. Прямо мороз по коже.

– То есть? – переспросил Олег.

– Без то есть, – угрюмо изрек Лешка. – Это, знаешь ли, объяснить очень трудно. Я бы даже сказал, невозможно. Просто сидел, делал физику, и вдруг мороз по коже.

– Интересно, – покачал головой Олег.

– Это, может, тебе интересно, а мне тогда было совсем неинтересно, – внес ясность Пашков.

– Ну а потом что случилось? – продолжал расспросы Олег.

– Потом они запели, – угрюмо произнес Лешка.

– Они? – внимательно посмотрел на него Олег. – Значит, у тебя там пел не один человек?

– Точно, – подтвердил Пашков. – Только, по-моему, это были не люди.

– Почему ты так думаешь? – не понял Олег.

– Да голоса какие-то нечеловеческие, – пояснил Лешка.

– А сколько их было? – поинтересовался Олег.

– Не знаю, – задумался Пашков. – Но, по-моему, трое.

– А голоса-то мужские или женские?

– Ну, вообще-то они довольно высокие, – медленно проговорил Пашков. – Хотя и не очень. Говорю же тебе: людей это мало напоминает. Если бы просто какие-нибудь три тет-ки пели, я бы не испугался. А это был такой жуткий хор... – И Лешка снова умолк.

– А что они хоть пели-то? – хотелось выяснить Олегу.

– Не знаю, – пожал плечами Пашков. – Я ни одного слова не разобрал. Прямо как во сне. Тебе что-то говорят, а ты не врубаешься.

– Слушай, Лешка. Может, тебе и впрямь все это приснилось? – с надеждой спросил Олег.

– Я же не чокнутый, чтобы по поводу своих снов советовать! – послышалась обида в голосе Лешки.

– Да ладно тебе, – хлопнул его по плечу Олег. – Я просто так, на всякий случай спросил. Значит, слова у песни были какие-то непонятные?

Лешка кивнул.

– Совсем непонятные.

– Слушай, а откуда они доносились? – осведомился Олег.

– Да ниоткуда, – внес еще одну ошеломляющую деталь Лешка.

– То есть как ниоткуда? – снял и снова водрузил на нос

очки Олег. – Ты же, Лешка, все-таки слышал пение?

– Слышал, – подтвердил Лешка. – Оно у меня прямо будто в мозгу возникло.

Олег какое-то время молча разглядывал друга. Затем с тревогой произнес:

– А ты, Лешка, в последнее время случайно никаких лекарств не принимал?

– Лекарств? – изумился тот. – У меня же здоровье как у слона. Даже насморка в последние два года не было.

– Ну, я думал, может, какая-нибудь аллергия, – смутился Олег. – Знаешь, бывают такие лекарства с побочными эффектами...

– Это от которых у людей глюки делаются? – с обидой в голосе спросил Лешка. – Успокойся, я такого не принимаю.

– Может, вы с Сашком вчера какой-нибудь очередной химический эксперимент проводили? – выдвинул новую версию Олег. – Вот и надышались вредными парами.

– Ты на что намекаешь? – окончательно обиделся Лешка.

– Ни на что, – смутился Олег. – Я просто хотел проверить. Вы же с братаном Сашком вечно какие-нибудь эксперименты проводите. Могли случайно и надышаться.

– Не могли, – отрезал Пашков. – У нас с Сашком всегда четкий расчет и полная техника безопасности.

– Ну, положим, опыты ваши иногда выходят из-под контроля, – словно бы вскользь отметил Олег.

– От случайностей никто не застрахован, – с большим чув-

ством собственного достоинства отвечал Лешка.

– Вот именно, – улыбнулся Олег. – Значит, вы с Сашком вчера все-таки что-то производили?

– Да ни фиги мы не производили! – заорал Лешка. – Где он, Сашок-то? Он у меня совершенно от рук отбился. Третий день уже со своими до позднего вечера пропадает.

– С Санькой и Ромой, что ли? – спросил Олег.

Это были одноклассники Лешкиного младшего брата-погодка Сашка.

– Именно, – кивнул Лешка. – Чего-то они задумали. Я пробовал выяснить, но Сашок молчит, как партизан на допросе.

– Значит, Санька ему ничего говорить не велела, – предположил Олег.

– Я тоже так думаю, – согласился Лешка. – Но это – личное дело Сашка. Меня сейчас больше голоса волнуют.

– Меня тоже, – кивнул Олег. – Значит, ты совершенно уверен, что вчера не мог ничего нанюхаться?

– Слушай, – заходили желваки по лицу Пашкова. – Не буди во мне зверя. Ты сам, Олег, прикинь. Если бы я, к примеру, и впрямь чего-нибудь нанюхался, то на фига бы сейчас спрашивал у тебя совета?

– В общем-то, да, – показались его рассуждения логичными Олегу. – Тебе бы и без меня было понятно, что это не песня, а элементарные глюки.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул Пашков. – А у

меня вчера была настоящая песня с непонятными словами.

– Нда-а, – задумчиво протянул Олег. – Может, это твои соседи все-таки развлекались? Или, например, с улицы донеслось из какой-нибудь машины.

Олег вспомнил, что под его собственными окнами постоянно останавливаются машины, владельцы которых отчего-то считают своим долгом врубить на полную мощность магнитофон.

– Какие машины! Какие соседи! – воскликнул Пашков. – Я ведь тебе уже объяснял. У меня было такое чувство, словно кто-то ко мне в башку сначала магнитофон засунул, а потом там врубил на полную громкость.

– И долго у тебя в голове этот концерт продолжался? – спросил Олег.

– Не знаю, – растерянно произнес Лешка. – Я так обалдел, что теперь ничего определенного даже сказать не могу.

– Ну хоть приблизительно, – настаивал Олег.

– Может, несколько минут, а может, и полчаса, – пробормотал Лешка.

– А ты-то что в это время делал? – пытался составить хоть какое-то представление о происшествии мальчик в очках.

– Сидел, – глупо ухмыльнулся Пашков.

– Просто сидел, и все? – сильнее прежнего удивился Олег.

– Наверное, да, – растерянно произнес Пашков. – Хотя вообще я не очень-то помню. Сперва мне вдруг стало страшно, затем запели, а потом я мало что помню. То есть время

будто остановилось.

– А что дальше-то было? – не отставал от друга Олег.

– Потом бабка вернулась, – наконец смог сказать что-то членораздельное Лешка.

– А она никакого пения не слышала? – полюбопытствовал Олег.

– Так она как пришла, песня и кончилась, – сказал Лешка. – А я пошел чай пить. Бабка пирожные с собой притащила.

– Та-ак, та-ак, – протянул мальчик в очках. – Может, это работа Сашка?

– Сашка-а? – уставился на него Лешка. – Так его ведь не было дома.

– Вот именно, – ничуть не смутился Олег. – Вдруг он со своими друзьями тебя наколоть решил.

– Сашок не способен на такую подлость, – уверенно заявил Лешка. – А потом я ведь тебе, Олег, уже сто раз повторял: это были нечеловеческие голоса.

– Эх, Лешка, – посетовал Олег. – Жаль, ты не догадался это на магнитофон записать.

– И впрямь, – горестно вытянулось лицо у Пашкова. – Дурак я, конечно! – хлопнул он себя по лбу. – Ведь музыкальный центр совсем рядом стоял. И кассета внутри болталась. Только кнопку нажми.

– Вот именно, – подхватил Олег. – Теперь не пришлось бы гадать, что и откуда.

– Теперь все равно момент упущен, – сильнее прежнего огорчился Лешка. – Хотя вообще-то я думаю, – вдруг осенило его, – что, если эти голоса...

Он осекся, подбирая слова.

– Что эти голоса? – поторопил Олег.

– Ну, если они действительно у меня прямо в голове звучали, – продолжал Пашков, – то все равно бы на пленку не записались.

– Тогда мы хотя бы проверили, прав ты или нет, – сказал Олег.

– Вот когда у тебя в голове такая песня зазвучит, я посмотрю, сообразишь ты ее записать или нет, – огрызнулся Пашков.

– Да не злись ты, – вновь хлопнул его по плечу Олег. – Я просто хочу установить истину.

– Я тоже хочу, – согласился Лешка. – Но пока у нас с тобой что-то плохо получается.

– Похвастаться нечем, – кивнул Олег.

– И что теперь делать? – уставился на него Лешка.

– Ждать, – был краток мальчик в очках.

– Чего ждать? – не дошло до Пашкова.

– Пока снова не запоют, – объяснил Олег. – Без этого мы не установим истины.

– А ты уверен, что они запоют? – сомневался Лешка.

– Ну, если это и впрямь потусторонние голоса и тебе кто-нибудь посылает сигнал с того света, то должны запеть, – на

полном серьезе произнес Олег. – Ты же пока ничего не понял.

– С какого того света? – возопил Лешка. – Кому я там нужен?

– Вот это нам и придется теперь выяснять, – постарался как можно спокойнее произнести Олег.

– Ты серьезно? – побледнел Пашков.

– К сожалению, да, – снял и снова надел очки Олег. – Наверное, тебя, Лешка, о чем-то оттуда предупреждали. Если, конечно, это не проделки Сашка и «группы резерва».

– Сашок ни при чем, – в который раз повторил Лешка.

– При чем или ни при чем, разберемся, – не спешил с выводами Олег. – Но если это шуточки Сашка, он наверняка тоже повторит попытку.

– Тебя не поймешь, – развел руками Лешка. – Если с того света, то пение повторится, и если Сашок...

– Повторится в любом случае, – подтвердил Олег.

– Как же мы тогда истину установим? – спросил Лешка.

– С помощью магнитофона, – принялся объяснять Олег. – Если это проделки Сашка, то пение запишется, а если поют и впрямь только у тебя в голове, то пленка ничего не зафиксирует.

– А почему я знаю, вдруг они в следующий раз запоют у меня в голове, когда я, к примеру, буду идти по улице. Как мне тогда прикажешь их записывать? – озадаченно спросил Лешка.

– Я думаю, это маловероятно, – сказал мальчик в очках. – А что, если тебе попробовать создать схожие условия?

– Ах, им еще условия создавать! – послышалось негодование в Лешкином голосе.

– Дело, конечно, твое, – усмехнулся Олег. – Можешь не создавать. Но тогда мы скорее всего вряд ли что-нибудь выясним.

– Нет уж, лучше я создам! – Лешкин пытливый ум никак не мог смириться с тем, чтобы оставить подобную тайну без объяснений.

– Тогда возвращайся сейчас домой, садись за стол и начинай учить физику, – порекомендовал Олег.

– Да я уже вчера все выучил, – воскликнул Лешка.

– Тогда принимайся за химию, – нашел выход Олег. – Тут, насколько я понимаю, главное, чтобы ты был на чем-нибудь сильно сосредоточен.

– Точно, – несколько раз кивнул коротко стриженной головой Пашков. – Мне как раз перед тем, как запели, очень трудная задача попалась.

– Вот видишь, – был рад, что его догадка подтверждается, Олег. – И еще, наверное, тебе надо остаться в квартире совершенно одному.

– Куда же я бабку-то дену? – растерялся Лешка. – Она сегодня, по-моему, не собиралась выходить из дома.

– Тогда жди до завтра, – не видел иного выхода Олег.

– Я до завтра не вытерплю, – воскликнул Пашков. – Мне

нужно скорее узнать.

– Тогда думай, как бабушку из дома выманить, – сказал Олег.

– Придется ей что-нибудь наплести, – медленно начал Пашков. – Знаю! – растянулся у него рот до ушей. – Скажу, что ее вызывают в собес. Мол, у нее с пенсионными документами что-то там не в порядке.

– Как это не в порядке? – спросил Олег.

– Ну потеряли одну важную бумажку, – уже был готов план у Пашкова. – Кстати, такое в прошлом году действительно было. Так что бабушка даже не удивится.

– Пока в собес не придет, – усмехнулся Олег.

– Так пока там все выяснится и бабушка домой вернется, у меня уже всё споют, – невозмутимо проговорил Пашков. – Ну, прогуляется, пообщается. Ничего страшного. Пожилым людям полезно двигаться.

Олег молчал. Бабушка братьев Пашковых была настоящей страдальницей и часто оказывалась вольной или невольной жертвой смелых экспериментов Лешки и Сашка.

– Может, все-таки подождать, пока она сама куда-нибудь уйдет? – попытался воззвать к благоразумию друга Олег.

– Да не могу я ждать в такой ситуации, – убежденно изрек Лешка. – Вдруг мне и впрямь посылают какой-то важный сигнал с того света?

– Вообще-то оттуда по пустякам сигналы не подают, – вынужден был согласиться Олег.

– Ну! – в раже возопил Лешка. – А я из-за какой-то бабки

пропущу важную информацию! Подумаешь, не может она лишний раз до своего собеса дойти! Тем более что сегодня нет ни дождя ни снега.

– Делай как знаешь. В конце концов, это твоя бабка и отдуваться потом перед ней тебе, – сдался Олег. Ему тоже не терпелось узнать, что же в действительности произошло вчера с Лешкой.

– Тогда я пошел.

И Пашков принялся натягивать куртку. Пес такса Олега по кличке Вульф прыгнул с дивана, чтобы проводить гостя.

– Если действительно запоют, ты мне сразу звони, – попросил Олег.

– Ежу понятно, – уже вышел на лестничную площадку Лешка. – Слушай, – вдруг осенило его. – А может, это предупреждают не только меня, но и всех?

– Кого всех? – опешил Олег.

– Всю Компанию с Большой Спасской, – уточнил Лешка.

– А почему бы и нет.

– Вот именно, – заблестели глаза у Пашкова. – Кто-то из параллельного мира дает нам знать...

– Вот только о чем? – перебил Олег.

– Боюсь, что ни о чем хорошем, – охватила тревога Лешку.

– А вдруг с кем-нибудь из наших беда? – передалось его состояние Олегу.

– Да мы их только что в школе видели, – успокоил Лешка.

– С тех пор уже час прошел, – ответил Олег.

– А пели вообще уже сутки назад, – отозвался Пашков. – Значит, по идее, если что-нибудь плохое и намечалось, то уже проехало.

– Или еще не доехало, – продолжал волноваться Олег. – Вот что, Лешка. Ты беги скорей домой и постарайся создать подходящие условия. А я сейчас по-быстрому обзвоню ребят.

– Ладно, – двинулся к лифту Пашков. – Попробую. Только, Олег, – умоляюще поглядел он на друга. – Ты пока никому из наших про пение не рассказывай. Вдруг это все-таки и впрямь Сашок.

– Не расскажу, – пообещал Олег.

Вернувшись в квартиру, он немедленно созвонился с пятью одноклассниками – Темычем, Женькой, Таней, Катей и Машкой. У них вроде бы все обстояло нормально. Тогда Олег стал ждать Лешкиного звонка. Пашков, однако, отзываться не торопился.

Покормив Вульфа, Олег сел за уроки. Прошло еще два часа. От Лешки по-прежнему не было ни слуху ни духу. Тогда Олег сам набрал номер Пашковых.

– Алло, – тут же послышался Лешкин голос.

– Ты как там? – спросил Олег.

– Учю химию, – коротко отозвался Пашков. – Я только сейчас бабку спровадил.

– Только сейчас? – удивился Олег.

– Ну, – уныло откликнулся Лешка. – Она в собес решила

просто позвонить. Ну, ей там и сказали...

– Можешь не продолжать, – усмехнулся Олег. Он и без Лешкиных объяснений догадывался, что могли сказать в беседе бабушке Пашкова.

– Хорошо еще, она подумала, будто меня кто-то наколот по телефону, – устало вздохнул Лешка.

– Как же ты ее спровадил? – поинтересовался друг.

– Она сама спровадилась. В магазин пошла. У нее там, на кухне, чего-то закончилось. Наверное, скоро вернется.

– Ты условия подходящие создал? – осведомился Олег.

– Я-то создал, – с осуждением произнес Пашков. – А вот ты мне мешаешь.

– Про магнитофон не забудь, – счел своим долгом напомнить Олег.

– Учи ученого.

И Лешка повесил трубку. Олегу ничего не оставалось, как снова ждать. Пашков объявился через час.

– Ну? – в нетерпении воскликнул Олег.

– Ничем не могу обрадовать, – сказал Лешка. – Больше не пели. Одна польза, что химию как следует выучил.

– Может, тебе все-таки вчера показалось? – забрезжила надежда у Олега.

– Ни фиги, – возразил Пашков. – Я ведь не чокнутый.

– Советую тебе на всякий пожарный Сашка как следует прощупать, – не оставляли подозрения Олега.

– Это мы можем, – сказал Пашков.

– Полагаю, что это он со своими друзьями, – теперь почти не сомневался Олег.

– Может, ты и прав, – неожиданно согласился Лешка.

– Почти уверен, что прав, – повторил Олег.

– Ну, тогда я Сашку устрою, – угрожающе произнес Лешка.

– Твое дело, – не стал вмешиваться в отношения братьев Олег. – Только рекомендую сперва убедиться на все сто процентов, что это и впрямь Сашок.

– Убедюсь. То есть убежусь. Или убеждусь, – совсем запутался Лешка. – Слушай, Олег, как правильно-то, а?

– Убегусь, – засмеялся Олег.

– Издеваться над человеком легче всего, – не разделил его веселого настроения Лешка.

– Ой, извини, – по-прежнему хохотал Олег. – У тебя же вчера в башке хором пели...

– Зря я тебе рассказал, – обозлился Лешка.

– Да ладно тебе, – примиряюще проговорил Олег. – Правильно будет: убежусь.

– Давно бы так, – проворчал Пашков. – Ладно. До завтра...

На следующее утро Компания с Большой Спасской встретилась, как обычно, во дворе у Олега. Его дом стоял совсем рядом с родной две тысячи первой школой, где в десятом «Б» классе и учились семеро друзей. Три года назад они самостоятельно расследовали самое настоящее преступ-

ление. Затем еще одно и еще...¹ Как с ужасом повторяли их любимый классный руководитель Андрей Станиславович и его фронтовой друг по Афганистану, а ныне майор милиции Владимир Иванович Василенко, «эти семеро словно притягивают к себе криминал». Правы они были или нет, но Компания с Большой Спасской всего неделю назад блестяще завершила свое восемнадцатое по счету расследование. Вот почему Олег и Лешка так вчера встревожились. Богатый опыт подсказывал обоим мальчикам, что таинственный хор мог и впрямь быть каким-то предзнаменованием. Впрочем, Олег не исключал, что всему виной – богатое Лешкино воображение. Тем более что таинственные голоса больше в голове у Пашкова не звучали.

– Ну? – едва выйдя из подъезда, обратился Олег к Пашкову.

Лешка мигом прижал палец к губам и покосился на стоящую рядом пухлую Машу Школьникову, в которую уже давно был влюблен.

– Что это с тобой, Ребенок? – не укрылись его маневры

¹ Подробно об этом читайте в книгах А. Иванова и А. Устиновой «Тайна черного призрака», «Загадка американского родственника», «Загадка Клетчатого», «Загадка старинной куклы», «Загадка ночного стука», «Загадка салона «Магия», «Загадка закрытого люка», «Загадка серебряного медальона», «Загадка домашнего привидения», «Загадка случайного попутчика», «Загадка бронзового льва», «Загадка ловких мошенников», «Загадка назойливых звонков», «Загадка почтового голубя», «Загадка исчезнувшего друга», «Загадка черной вдовы», «Загадка газетного объявления», «Загадка школьного подвала», вышедших в серии «Черный котенок». (Прим. ред.)

от девочки.

– Да это я, Машка, просто так, – покраснел Пашков.

– Кажется, у Олежки с Лешенькой от нас появились секретки, – иронично сощурилась стройная темноволосая Катя.

– Какие секретки? – навис над Пашковым долговязый Женька. – Говори быстро.

– Отстань, – пихнул его Пашков. – Никаких у нас нет секретов, – показывая укладкой кулак Олегу, добавил он.

– Отстаньте от человека, – проворчал маленький щуплый Темыч.

– Правозащитник ты наш, – поглядела на него сверху вниз Катя.

Темыч надулся и обиженно засопел. Катя над ним подтрунивала еще в младшей группе детского сада.

– Микроспора у нас не правозащитник, а будущий писатель, – хохотнула Машка.

Темыч и впрямь готовился после одиннадцатого класса поступать в литературный институт и уже вынашивал замысел «большой серьезной книги», которая прославит его не только на родине, но и далеко за ее пределами.

– Так что у нас там за секретки? – снова пристала Катя к Пашкову.

– Отвяжись от него, – завел свое Темыч.

– Обойдемся как-нибудь без твоих советов, – ответила Катя.

– Прекратите, – вмешался Олег, которому вечно приходилось разнимать эту «сладкую парочку».

– И вообще уже пора в школу, – тихо произнесла светло-волосая голубоглазая Таня.

Все семеро направились вниз по Портняжному переулку, где за железным забором стояло старое четырехэтажное здание из красного кирпича. У самого входа в школу Пашков, пропустив вперед остальных, задержал Олега.

– Разговор есть.

– Ну? – посмотрел на него мальчик в очках.

– Сашок ведет себя как-то странно, – сразу перешел к сути Лешка.

– То есть? – поинтересовался Олег.

– Он не такой, как всегда, – принялся объяснять Лешка. – Виляет и уклоняется.

– От чего уклоняется? – не понял Олег.

– От всех моих вопросов, – даже с какой-то обидой произнес Лешка. – Раньше такого никогда не было. Он от меня ничего не скрывал.

– Бывает, – усмехнулся Олег.

– Это все Санька, – ревниво изрек Пашков. – Она Ромку с Сашком постоянно заводит. Боюсь, вляпаются они в какую-нибудь историю.

– Ну, ты прямо как Темыч, – подмигнул другу Олег. – Может, у тебя и сердце что-нибудь чувствует?

– Нет, – угрюмо откликнулся Лешка. – Зато голова поет.

– Опять поет? – встревожился Олег.

– Да пока нет, – разочарованно сказал Лешка. – Но братан мой вел себя очень подозрительно.

– Ты ясней выражаться не можешь? – надоело ходить вокруг да около Олегу.

– Ясней некуда, – продолжал Лешка. – Думаю, ты был прав. Это пение у меня в башке – Сашковы проделки. А если и не его, то он все равно как-то с этим связан.

– А почему ты так уверен? – хотелось еще до начала уроков установить истину Олегу.

– Потому что Сашок ни на один мой вопрос не ответил, – отозвался Лешка. – А вопросы я задавал очень хитрые.

– Ребята! – показался из дверей долговязый Женька. – Куда вы пропали? Уже первый звонок был.

– Ладно. Потом расскажу, – махнул рукой Пашков.

Они с Олегом поспешили в школу.

Глава 2

Мы идем на премьеру

На первых двух уроках Пашкову так и не удалось рассказать Олегу, в чем заключается подозрительное поведение Сашка. Рядом все время кто-нибудь был. Наконец началась история. Ее вел Андрей Станиславович. Едва войдя в класс, учитель торжественным тоном объявил:

- Завтра мы все идем в театр. И не просто, а на премьеру.
- Это что, приказ? – хохотнул Вадик Богданов.
- Ни в коем случае, – нахмурился Андрей Станиславович. – Насильно никого не принуждаем.
- Без таких, как ты, в театре будет легче дышать, – подхватил с задней парты Марат Ахметов.

Половина класса поддержала реплику Ахметова одобрительным гулом. Другая половина, относившаяся к группировке Богданова, напряженно ждала, какотреагирует Вадик. Тот, смерив Марата насмешливым взглядом, спокойно проговорил:

- Вообще-то в театр ходят не дышать, а смотреть. Помогу, ты театр со спортзалом путаешь.

Богдановские захихикали.

- А он, кроме своего бокса, вообще ничего не знает! – преданно глядя на Вадика, подхватила рыжая Дуська Смир-

нова.

– Сейчас про мой бокс еще кто-то узнает! – мигом оказался Марат перед Вадиком.

– Ахметов, сядь! – вынужден был вмешаться Андрей Станиславович.

– Только можно я сперва ему один раз врежу? – взмолился Ахметов.

– Нельзя! – отрезал учитель. – Кому сказано: сядь на место.

Марат нехотя вернулся за парту.

– Надо было не спрашивать, а сразу бить, – сказал ему сосед по парте и соратник по секции бокса Боря Савушкин.

– Конечно, надо было, – вздохнул Марат. – Но теперь уже поздно.

Тут Школьников, соорудив глазки любимому учителю, проворковала:

– В какой же мы театр идем, Андрей Станиславович?

– В Центральный российский театр современного концептуального авангарда, – отозвался учитель.

– Улет! – воскликнула Машка. – Туда ведь билетов не достанешь. Это самая крутая тусовка в Москве.

– Именно, – усмехнулся классный руководитель десятого «Б». – Благодарите папу Олега. Это он нам устроил.

– И ты молчал? – ткнул Пашков локтем в бок Олега.

– Почему молчал? – перегнулся к ним сидевший позади Женька.

– Да я сам в первый раз слышу, – искренне изумился Олег.

Беляев-старший ходил в школу чрезвычайно редко. Он был целиком и полностью занят делами собственной фирмы, которую они совместно с женой, Ниной Ивановной, неимоверными усилиями держали на плаву. Когда Борис Олегович успел организовать поход в театр, для Олега оставалось совершенной загадкой. И еще Олегу было неясно, почему отец ничего ему не рассказал.

– А на какой мы идем спектакль? – любопытствовала Катя.

– «Нет повестей печальнее на свете», – ответил Андрей Станиславович.

– Что за такие печальные повести? – с кокетливым видом спросила Школьников.

– Кажется, это что-то из Шекспира, – не слишком уверенно произнес Марат Ахметов.

– Ну и ну! – воскликнул Вадик Богданов. – Шекспир входит в массы!

– Вот сейчас я кому-то массу испорчу! – взвился на ноги здоровяк Ахметов.

– Сядь! – коротко распорядился Андрей Станиславович. – Спектакль действительно по мотивам произведений Шекспира.

Марат, так и не достигнув Богданова, уныло опустил за парту. Впрочем, при этом он не преминул заметить, что «печальная повесть Богданову будет в самом скором време-

ни обеспечена». Вадик невольно поежился. Встреча один на один с Ахметовым могла достичь поистине шекспировского драматизма.

Тут Дуська Смирнова воскликнула:

– А кто видел новый фильм «Ромео и Джульетта»? Там Леонардо Ди Каприо такой лапочка!

– Дурак твой Леонардо Ди Каприо! – отрезала Школьникова. – И фильм совершенно левый. Надо же, испохабить такую любовь!

– Много ты понимаешь в любви, – не осталась в долгу Смирнова.

– Уж как-нибудь не меньше других, – повела мощными плечами Школьникова.

– Кажется, назревают серьезные боевые действия, – шепнула Катя на ухо Тане.

Светловолосая девочка молча кивнула.

– Леонардо Ди Каприо обсудите на перемене, – крайне вовремя вмешался классный руководитель. – А сейчас речь о другом. Борис Олегович просил меня сегодня вечером сообщить, сколько человек реально пойдет на спектакль. Так что вам надо до конца уроков определиться.

– Ах, Андрей Станиславович, – состроила ему глазки Школьникова. – Мы уже определились. Все пойдем.

– Я не пойду, – тут же сказал Вадик Богданов. – Решай, Школьникова, за себя, а не за других.

– Я тоже пас, – немедленно подхватил Вовка Бочкарев, ко-

того в десятом «Б» чаще всего именовали «богдановской шестеркой».

Дуська, взглянув на Богданова, тяжело вздохнула и с явной неохотой произнесла:

– И я не пойду. Чего я там, в этом авангарде, забыла?

– Смотри своего Ди Каприо с пулеметами и базуками, – процедила сквозь зубы Школьников.

– Без тебя разберусь, что смотреть, – огрызнулась Дуська.

– Вот сейчас я кому-то массу испорчу! – взвился на ноги здоровяк Ахметов.

– Теперь начнем урок, – торопливо проговорил Андрей Станиславович.

Школьников, сидевшая за первой партой, раскрыла конспект, одновременно стараясь, чтобы от взора любимого учителя не укрылся ее новый костюм из розовой кожи, приобретенный в бутике «Гуччи».

– Сядь нормально, Школьников, – сказал Андрей Станиславович. – Иначе у тебя будет искривление позвоночника.

И он принялся диктовать новую тему.

Все последующие перемены Олег тщетно пытался довести до конца начатый утром разговор с Пашковым. Отделаться от друзей не удавалось. Во всяком случае настолько, чтобы не вызвать их подозрений. Лешка же, в свою очередь, категорически не желал ставить в известность никого, кроме Олега, по поводу странного происшествия, случившегося позавчера. Он боялся, как бы его не подняли на смех.

Однако Лешка сейчас, похоже, мало кого интересовал. И Компания с Большой Спасской, и остальной десятый «Б» бурно интересовались предстоящим походом в театр. Особенно этот вопрос волновал Школьникову. Ей приспичило выяснить, каким образом Беляев-старший «затесался в такую крутую тусовку».

– Да просто эти Прошечкины – старые друзья предков, – безо всякого почтения к деятелям авангардного концептуального театра проговорил Олег. – Кстати, еще большой вопрос, как вам это понравится, – выразительно глянул он на друзей.

– Обязательно понравится, – воскликнула Школьникова. – В этом театре такая крутая публика! И цена на билеты в партер до ста баксов доходит.

– Ну и дерут! – мрачно изрек экономный Темыч.

– Молчи, Микроспора, – никогда не воспринимала его всерьез Школьникова. – Раз платят, значит, стоит того. Закон рынка.

– Может, конечно, и закон, – пожал плечами Олег. – Но прошлый спектакль Прошечкиных ста долларов за билет явно не стоил. Правда, мы с предками ходили по приглашениям. Но отец и за бесплатно заснул.

– Именно потому и заснул, что бесплатно, – сказала Школьникова. – А вот если бы выложил за всех вас триста баксов, то и сам бы не спал, и вам бы не позволил.

– Кто же спит за свои кровные триста баксов? – на сей раз

согласился с ней Темыч.

– Нет, – покачал головой Олег, – мой предок и за триста баксов на этом спектакле заснул бы. Там актеры всю дорогу в аквариуме плавали, а другие, снаружи, за них текст произносили. В общем, жуткая чушь.

– Ну, «Ромео и Джульетту» они, положим, так не испортят, – сказала Катя. – Шекспир есть Шекспир.

– Не зарекайся, – ответил Олег. – Генрих Прошечкин способен на все. К тому же я не уверен, что там будет именно «Ромео и Джульетта».

– Слова названия, во всяком случае, оттуда, – заметил Темыч.

– Не совсем, – заспорила Катя. – В «Ромео и Джульетте» слово «повесть» в единственном числе. «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте!» – с драматическим пафосом продекламировала она. – А у Прошечкиных спектакль почему-то называется «Нет повестей печальнее на свете». А это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

– Действительно, настораживает, – тихо проговорила Таня. – Неужели они снова в аквариуме будут плавать?

– Сомневаюсь, – отозвался Олег. – При всем занудстве, Генрих Прошечкин любит оригинальные решения и никогда не повторяется. Кстати, – вспомнилось мальчику, – мать про этот спектакль что-то нам с отцом говорила. Ну да. Вроде там действительно будут Ромео и Джульетта. Только в очень

современной трактовке.

– Ну, твой предок гигант! – восхитилась Школьникова. – Чтобы на такую крутую премьеру обеспечить места для всего нашего класса, да еще на полную халяву... Это надо уметь.

– Если моему предку что-нибудь придет в голову, то он своего добьется, – заверил Олег.

– Отлично! – воскликнула Женька. – Наверное, весело будет.

– Я бы на твоём месте не загадывал, – был куда осторожней Олег.

В конце учебного дня выяснилось, что практически вся группировка Богданова решила культурное мероприятие проигнорировать. Другая половина класса, включая Компанию с Большой Спасской, пожелала ознакомиться с концептуальным авангардом. Сообщив об этом Андрею Станиславовичу, ребята покинули школу.

Пашков, объяснив остальным, что ему нужна какая-то книга для реферата по истории, увязался за Олегом, у которого якобы эта книга была.

– Фу-у, – выдохнул Лешка уже в лифте. – Я думал, нам с тобой уже никогда поговорить не удастся.

– Лучше не причитай, а рассказывай, – ответил Олег.

– Ну, во-первых, братан тут же полез в магнитофон и заметил чистую кассету, – откликнулся Лешка.

– Это еще не аргумент, – покачал головой Олег.

– Так Сашок ведь не просто заметил, – продолжал Леш-

ка. — Он меня весь остаток вечера изводил вопросами: «Зачем тебе чистая кассета? Что собирался записывать?» Ну и все в таком же роде.

— Это уже интересней, — оживился Олег.

— А я о чем, — снова заговорил Лешка. — Чего моему братану из-за какой-то чистой ленты волноваться? Обычно его подобные мелочи не интересуют.

Тут лифт прибыл на этаж Олега. Ребята прошли в квартиру, выдержав бурное приветствие Вульфа, разделись и пошли напрямиком на кухню.

— Дай бутербродик, — попросил Пашков.

— Ну ты прямо как Женька, — засмеялся Олег.

— Ничего подобного, — возразил Пашков. — Стал бы у тебя Женька спрашивать. Он бы сам в холодильник полез.

— Можешь тоже слазить. Сделаешь сам себе бутерброд, — разрешил хозяин квартиры. — А я пока покормлю вот этого троглодита, — посмотрел он на Вульфа.

Вскоре все трое уже жевали.

— А потом Сашок, — чавкая, проговорил Пашков, — чего-то сделал у меня под кроватью.

— Не понял, — с удивлением воззрился на друга Олег.

— Вот и я тоже не понял, — многозначительно изрек Лешка. — Я на пять минут вышел из комнаты. Возвращаясь, а братан копается у меня под кроватью. Я спрашиваю: «Чего ты там забыл?» А Сашок говорит: «У меня туда монетка закатилась». Ну, я хотел помочь ему. А он говорит: «Не надо.

Монетка все равно паршивая. Убираться будем, тогда найду».

– Ну и что тут подозрительного? – пожал плечами Олег.

– Да ведь у Сашка коллекция монеток, – откликнулся Лешка. – Только он в тот вечер не доставал ее. Вот я и думаю: с чего бы монетке под кровать закатиться?

– Ну, может, он какую-нибудь новую монетку достал и принес в кармане, – предположил Олег.

– Если бы Сашок принес новую и она у него закатилась, то он бы всю комнату перевернул вверх дном, – уверенно произнес Лешка. – Он над своей коллекцией так дрожит...

– Понятно, – перебил Олег. – Зачем же он тогда под кровать к тебе лазил?

– Мне тоже это интересно, – сказал Лешка. – Я потом все под кроватью ползал. Пыли там было полно. Но ни монетки, ни чего-то другого не оказалось.

– А что, кроме монетки, ты там найти рассчитывал? – поинтересовался Олег.

– Ну, например, какой-нибудь агрегат, – предположил Лешка. – Ведь если это происки моего брата, то откуда пение должно было раздаваться. И под кровать Сашок просто так не полезет. Но там, повторяю, совсем ничего не было.

– Может, Сашок успел свое устройство изъять, пока ты из комнаты выходил? – возникло новое предположение у Олега.

– Вообще-то братан у меня такой, он может, – с уважением

произнес Лешка. – Все-таки моя школа. Но я после, когда Сашок в душе плескался, учинил у него тотальный обыск.

– Ну и? – посмотрел на друга Олег.

– Совсем ничего, – развел руками тот. – Во всяком случае, ни одна из вещей, которые я обнаружил, хором петь не могла.

– Может, Сашок свое портативное устройство унес в ванную? – вдруг осенило Олега.

– Как же я раньше не догадался! – хлопнул себя по лбу Пашков. – Ну, естественно. Сашок прихватил эту штуку в ванную. Там как следует припрятал. А утром уволок в школу. Теперь мы с тобой ничего не докажем.

Уничтожив еще по паре бутербродов, ребята покинули кухню и расположились в просторной гостиной. Вульф последовал за ними и со всеми удобствами разлегся на диване.

– Ты, Лешка, погоди расстраиваться, – сказал Олег. – Лучше давай попробуем сообразить, мог ли вообще Сашок воспользоваться каким-то устройством. А если мог, то что это было за устройство?

– Почему мне знать, – ответил Лешка. – Может, это какая-нибудь такая штука, которая излучением давит на психику.

– Даже если такие и существуют, откуда она могла взяться у Сашка? – охватили сомнения Олега.

– Может, они со своей «группой резерва» куда-нибудь залезли и нашли, – предположил Лешка. – А может, и свистнули.

– Почему бы и нет, – усмехнулся Олег.

Когда речь шла о братьях Пашковых, допустить можно было все что угодно. Лешкину голову постоянно распирало от очень заманчивых, но крайне рискованных замыслов. Перед их осуществлением он всегда производил точные расчеты, благодаря которым все должно было пройти абсолютно гладко. Однако жизнь часто вносила свои неумолимые коррективы. Расчеты давали сбой, и от проделок Пашкова страдали то учителя и ученики две тысячи первой школы, то родители и бабушка, а то и вовсе ни в чем не повинные жители района Сухаревской площади.

Особенно становился опасным Лешка, когда объединял усилия с младшим братаном Сашком. Это они год назад, отработавая технику борьбы с террористами, поджидающими жертвы на лестничных клетках, оставили весь свой подъезд на долгие месяцы без лифта. Обезвреживая устройство, которое показалось им похожим на бомбу, испортили в разгар зимы теплотрассу. А гостя прошлым летом у австрийского коллеги Пашкова-старшего, герра Шульца, по самую крышу затопили водой его уютный особнячок в окрестностях Вены...

Неудачи Лешку совершенно не обескураживали. Он полагал, что не ошибаются только те, кто ничего не делает. А потому, едва потерпев очередное фиаско, немедленно принимался вынашивать новые потрясающие планы. Ровно таким же образом поступал и Сашок. Недаром же Лешка именовал

младшего брата своим последователем. Вот почему, найди Сашок где-нибудь на помойке даже боеголовку от стратегической ракеты, Олега и его друзей это совершенно не удивило бы. А уж какой-то приборчик психотропного действия тем более.

– Значит, – посмотрел Олег на Лешку, – по-видимому, твой братан и его «группа резерва» проникли в одно из закрытых НИИ.

– Вообще-то такие исследовательские институты обычно хорошо охраняют, – засомневался Лешка.

– Знаем, знаем, – покачал головой Олег. – Сам институт охраняют, а вот его помойку с важными стратегическими отходами...

– Точно! – немедленно просиял Лешка. – Чего ж этот гад Сашок от меня-то скрыл?

– Видимо, пагубное влияние Саньки, – хихикнул Олег.

– И не говори! – на полном серьезе воскликнул Лешка. – Он с этой девчонкой скоро вообще о родной семье забудет.

– Сердцу не прикажешь, – ответил Олег. – Ты, Лешка, между прочим, тоже все сделаешь, что тебе прикажет Моя Длина.

– Не Моя Длина, а Машка, – обиделся Пашков.

Школьникова заработала прозвище Моя Длина за чрезвычайно экстравагантную манеру одеваться. Однажды она явилась на занятия в ярко-красной юбке из какой-то очень блестящей синтетики. Впрочем, юбкой это можно было на-

звать лишь символически. Класс изумленно охнул. Нижняя часть Маши Школьниковой особым изяществом не отличалась. Лишь Пашков, искренне полагавший, что Школькова всегда выглядит как «настоящая фотомодель», восхищенно выдохнул:

– Ну ты, Машка, даешь. Все прямо наружу!

– Много ты понимаешь, – подбоченилась Школькова. – Это просто теперь моя длина и мой стиль.

С той поры прозвище Моя Длина прочно прилипло к Машке. Правда, звали ее так за глаза. Школькова обладала крепким телосложением и могла с ходу врезать.

Влюбленный в нее Пашков тоже на дух не выносил этого прозвища. Потому и напустился теперь на Олега:

– Никогда не называй так Машку. Во всяком случае, при мне. Иначе мы поссоримся.

– Не буду, – заверил Олег.

– И вообще, я совсем не такой, как Сашок, – продолжал Лешка. – Он у этой Саньки под каблуком.

Олег только хмыкнул. Спорить на эту тему с Лешкой было совершенно бесполезно.

– Кроме того, – оправдывался Пашков. – Нечего путать Машку и Саньку. Машка на меня оказывает хорошее влияние, а Санька на Сашка – плохое.

– Давай лучше подумаем, как нам с тобой вывести Сашка на чистую воду, – поторопился перевести разговор Олег.

– Пока не знаю, – озадаченно произнес Лешка. – Да я во-

обще еще не уверен на все сто процентов, что это он.

– Может, вместе попробуем с ним поговорить? – предложил Олег.

– Нет, – решительно воспротивился Лешка. – Вот сейчас пойду домой и как следует братаном займусь.

– Тогда иди, – поторопил Олег. – Нам нужна ясность. Хотя ты ведь, Лешка, говорил, что Сашок теперь где-то шляется со своей компанией до позднего вечера.

– Но при этом не забывает обедать, – уточнил Пашков. – Так что пойду, пока он еще дома.

Пашков удалился. Олег, схватив со сковородки холодную котлету, пошел делать уроки. Задали на завтра кучу всего, поэтому два часа прошло в напряженных занятиях. Затем позвонил Женька.

– Слушай, Олег! – захлебывался от избытка эмоций долговязый мальчик. – Я завтра пойду в театр не с вами!

– Как это так? – удивился Олег. – В другой театр, что ли?

– Не! – оглушительно проорал Женька. – Театр тот самый, но пойду не с вами!

– Почему? – охватило еще большее недоумение Олега.

– Потому что меня Наташка с собой пригласила! – последовал ответ долговязого друга.

– Наташка? – переспросил Олег.

– Именно, – продолжал Женька. – Я ей звоню, а она говорит, что ее мать говорит...

– Кто говорит? Что говорит? Какая мать? – совсем сбили

с толку его слова Олега.

– Какой-то ты в последнее время тупой, – возмутился Женька. – Неужели не понимаешь? Забыл, что Наташкина мать актриса? Вот она и играет у ваших Прошечкиных.

– Ого! – воскликнул Олег. – Кого же она там играет?

– Наташка сказала, что какую-то леди, – радостным тоном сообщил Женька.

– Какую леди? – Олег был совершенно уверен, что действие «Ромео и Джульетты» разворачивается в Италии. А значит, и никаких леди там быть не должно. Впрочем, от творческого дуэта Прошечкиных можно было ожидать не меньших сюрпризов, чем от братьев Пашковых. – Так какую Наташкина мать там леди играет?

– Э-э... – протянул Женька и смолк.

– Я, по-моему, у тебя спрашиваю, – крикнул Олег.

– Вообще-то Наташка мне говорила фамилию этой леди, – смущенно пробормотал Женька. – Но я уже позабыл. Ладно, какая разница. – Он никогда не брал в голову подобных мелочей. – Все равно ведь завтра в театр пойдем, там и узнаем. Главное, я очень вовремя позвонил Наташке. Оказалось, она на эту премьеру идти не хотела. А когда я сказал, что иду, она предложила отправиться туда вместе. В общем, увидимся уже в театре.

– Понятно, – ответил Олег.

С Наташкой, дочерью известной актрисы Инги Турундаевской, Олега и его друзей познакомила Моя Длина во вре-

мя одного из последних расследований. По общему мнению Компании с Большой Спасской, Женька и Наташка просто нашли друг друга. Как бы там ни было, теперь Женька и Наташка встречались почти каждый день. А когда не могли увидеться, подолгу болтали по телефону. Непосвященные часто вообще принимали их за брата и сестру. Почти одинакового роста, одинаково худые, с одинаковыми длинными темными волосами, они даже одевались похоже.

А вот характеры были диаметрально противоположными. Женька отличался крайней подвижностью и общительностью. Наташка, наоборот, замкнутая и неразговорчивая. По этому поводу Темыч однажды заметил: «Если Наташку и Женьку соединить вместе, потом разделить на четыре и умножить на два, то получится человек с идеальным характером».

Женька немедленно возразил тогда другу, что у них с Наташкой и так «замечательное разделение труда». Тут он был близок к истине. Например, Наташка отличалась крайне плохим аппетитом, из-за чего выслушивала постоянные нотации от матери и домработницы. С появлением Женьки, которому не хотелось есть, только когда он спал, проблема решилась кардинальным образом. Наташка почти каждый день приглашала друга обедать. Женька безо всяких усилий сметал как свою порцию, так и большую часть порции подруги. Домашние Наташки были в полном восторге. По их мнению, Женька крайне положительно влиял на подругу. Впрочем,

в какой-то степени они были правы. Наташка с появлением Женьки действительно изменилась к лучшему.

– Так все-таки кого Инга у Прошечкиных играет? – еще раз попытался выяснить Олег.

– Слушай, чего ты пристал! – возмутился Женька. – Какая разница. Лучше продиктуй мне решение по алгебре. А то у меня уже нет времени самому решать. Мы с Наташкой через полчаса встречаемся.

– Опять обедать идешь? – хохотнул Олег.

– Нет, ужинать, – торжественно объявил Женька. – Там Ольга Степановна испекла какие-то обалденные расстегайки.

– Ну-ну, – расхохотался Олег. Ему было известно, что домработница Инги Турундаевской питает особенную нежность к Женьке. Однажды, когда Компания с Большой Спаской собралась в Наташкиной квартире, Ольга Степановна умиленно произнесла: «Никогда еще не видела мальчика, который бы так хорошо кушал, как Женечка».

– Ты, Олег, не нукай, – проорал в трубку долговязый друг, – а лучше диктуй алгебру. Иначе я даже переписать у тебя не успею. Время-то идет.

– Ну ты и фрукт! – пробормотал Олег и покорно принялся диктовать задачи по алгебре. Женьку следовало принимать таким, как он есть. Потому что другим он быть все равно не мог.

Едва Олег распрощался с Женькой, как позвонил Пашков.

– Почему было так долго занято? Я уже устал нажимать на эти чертовы кнопки.

– Ближе к делу, – отозвался Олег. – Есть какие-то новости?

– Иначе не стал бы дозваниваться, – скороговоркой произнес Лешка. – Сашок раскололся.

– Значит, действительно он?

Олег испытывал двойственное чувство. С одной стороны, хорошо, что нашлось достаточно простое и совсем не страшное объяснение. Но с другой – было немного жаль расставаться с тайной.

– Да нет. Это вроде бы не Сашок, – последовал неожиданный ответ Пашкова.

– А говоришь, раскололся, – удивленно проговорил Олег.

– Он по другому поводу раскололся, – продолжал Лешка. – То есть по тому самому поводу... Но не то, что ты думаешь.

– А что я, по-твоему, думаю? – перебил Олег.

– Другое, чем есть на самом деле, – навел еще больше туману Лешка.

– А чего на самом деле? – пытался добиться хоть какой-то ясности Олег.

– Ну, не то, что было позавчера, но вообще-то мы с тобой правы.

– Ты, Лешка, в своем уме? – рассердился Олег.

– Полностью, – подтвердил тот.

– Тогда объясняй нормально, – потребовал друг.

– И Машка тоже со мной согласилась, что этого нам совершенно не нужно, – к полному недоумению Олега, изрек Пашков.

– Какая Машка? При чем тут она? Ты что, не можешь говорить? – заорал Олег.

– Да. И Танька, между прочим, говорит то же самое, – отозвался Лешка.

– Понятно. – До Олега дошло, что рядом с Лешкой кто-то стоит.

– Я тебе позже перезвоню, – сказал Пашков.

В трубке раздались частые гудки.

– Лучше бы вообще не звонил, – тихо пробормотал Олег.

Чтобы зря не теряться в догадках, Олег пошел погулять с Вульфом. Едва они возвратились домой, как с работы прибыли Беляевы-старшие.

– Папа, ты почему меня не предупредил, что мы всем классом идем завтра в театр? – тут же осведомился Олег.

Вопрос сына отчего-то заметно смутил Бориса Олеговича.

– В театр? Всем классом? – удивленно спросила Нина Ивановна. – А при чем тут папа?

– Да, видишь ли, Нина, меня Олежкин классный руководитель давно просил, – усиленно отводя взгляд от жены, произнес Борис Олегович. – Ну, организовать какое-нибудь культурное мероприятие. Вот я и...

Олег сейчас просто не узнавал собственного родителя.

Обычно взрывной, решительный и громогласный, глава семейства Беляевых сейчас вел себя с какой-то подчеркнутой сдержанностью и, казалось, старался как можно скорее свернуть разговор.

– Что ты и?.. – переспросила Нина Ивановна.

– Ну я и решил, что пора устроить, – с видимым трудом выдавил из себя муж. – Все-таки родной класс нашего сына. И Андрей Станиславович такой замечательный учитель... Ему с этими оболтусами очень, знаешь ли, Нина, трудно. И зарплата у него мизерная.

– При чем тут зарплата Андрея Станиславовича? – недоуменно осведомилась Нина Ивановна.

«Что это с предком творится? – в свою очередь изумился Олег. – Может, у него какие-нибудь крупные неприятности?»

– Как это при чем тут зарплата! – похоже, нашел наконец повод перевести разговор Борис Олегович. – Это ты, Нина, купаешься в благополучии...

– Я? – возмутилась Нина Ивановна. – Что ты такое несешь, Боренька?

– Конечно, и моя вина тут есть, – нашелся Борис Олегович. – Слишком уж я вас с Олегом приучил к обеспеченной жизни.

– Ты... меня... приучил? – задохнулась от праведного негодования жена. – Между прочим, мы с тобой, кажется, вместе основали нашу фирму. И теперь вместе в ней рабо-

таем.

– Но в отличие от тебя, Нина, я не утратил ощущения реальности! – издал мелодраматический возглас глава семейства Беляевых.

– По-моему, я действительно утрачиваю ощущение реальности, – потрясла головой Нина Ивановна.

– Вот, вот, я и говорю! – сардонически захохотал Борис Олегович.

«Нет, с ним вроде бы все нормально», – подумал Олег.

– Ты, Нина, совершенно не знаешь, как приходится теперь тяжело работникам образования! – продолжал Борис Олегович.

– Я не понимаю другого, – отвечала жена. – Какая связь тяжелой жизни работников образования с походом в театр, который ты каким-то образом организовал?

– Самая прямая, – ответил муж. – Я решил оказать сильную помощь.

– И куда же ты им устроил билеты? – не мигая смотрела на него жена.

– Естественно, к Прошечкиным, – снова значительно сбавил тон муж. – Они люди хорошие, вроде бы как друзья. И за билеты не надо платить.

– К Прошечкиным? – побледнела Нина Ивановна и, как была, в пальто, опустилась на стул возле вешалки.

– А что ты, Нина, в этом видишь плохого? – не глядя на жену, спросил Борис Олегович.

– Многое, Боря, – устало проговорила Нина Ивановна. – Ты разве забыл, что у Прошечкиных завтра премьера?

– Наоборот, помню, – ответил Борис Олегович. – Именно потому я и решил устроить удовольствие как ребятам, так и Андрею Станиславовичу. Еще неизвестно, когда они смогут в следующий раз попасть на такое модное мероприятие.

– И, конечно же, ты, Боря, не подумал, что у Прошечкиных очень маленький театр, – хмуро произнесла Нина Ивановна.

– И это учел, – с чувством собственного достоинства изрек глава семейства Беляевых. – Я сразу предупредил Генриха, что ребята могут посидеть и в проходах.

– По-моему, Боря, ты просто решил таким образом поссорить нас с Прошечкиными, – горестным тоном произнесла жена.

На лице Бориса Олеговича воцарилось какое-то странное выражение. Олег готов был поспорить, что мать попала в точку. Однако глава семейства Беляевых с пафосом возразил:

– Не говори глупости, Нина. Почему это Прошечкины должны с нами поссориться? Я ведь пропагандирую их искусство. Так сказать, несу его в массы. Верней, массы несу к их искусству, – уточнил он.

– Боря, ты же прекрасно знаешь Олежкин класс, – возразила Нина Ивановна. – Они обязательно что-нибудь сотворят.

– Это почему? – возмутился Олег. – И вообще мы даже не все пойдем, а только половина.

– Какая разница, – отмахнулась Нина Ивановна. – Пашков-то идет?

– Обязательно, – подтвердил Олег.

– Ну вот, – с трагическим видом выдохнула Нина Ивановна. – А ваш Пашков один десятерых стоит. Значит, скандал обеспечен.

– Мама, не забывай, что мы все уже взрослые! – воскликнул Олег.

– Это вам так кажется, – покачала головой мать. – Боря! – повернулась к мужу она. – Ну почему ты со мной не посоветовался. Лучше бы мы купили для них билеты в какой-нибудь другой театр.

– Чисто женская логика! – отбил выпад муж. – Значит, по-твоему, Нина, другой театр может лететь в тартарары, только бы твои любимые Прошечкины не пострадали!

– Боренька, ну зачем ты так! – смутилась Нина Ивановна. – Другой театр, конечно, мне тоже жалко. Но в данном случае я боюсь, что после твоего демарша Прошечкины нас больше никогда никуда не пригласят.

– Я бы не сильно расстроился, – вырвалось у главы семейства Беляевых.

– Вот ты и проговорился! – всплеснула руками жена. – Я знаю: ты никогда не любил Люду и Генриха!

– А за что мне их особенно любить? – прорвало наконец

Бориса Олеговича.

Тут Олег понял, что надо вмешаться. Иначе, чего доброго, дело дойдет до крупного скандала.

– Успокойтесь, родители, – сказал он. – Мы в театре Прошечкиных ничего плохого делать не собираемся. Тем более что в спектакле играет мать Наташки.

– Какой Наташки? – удивленно поглядела на сына Нина Ивановна.

– Наташка – дочь Инги Турундаевской, – напомнил Олег.

– Она что, теперь в вашем классе учится? – любопытствовал Борис Олегович.

– Нет, просто Наташка – хорошая Женькина знакомая, – не стал вдаваться в подробности Олег. – Она сама пригласила его на спектакль.

– Вот видишь, Нина, – с торжеством произнес муж. – Значит, с нашей стороны одним человеком меньше.

– Ах, Боря, с тобой невозможно спорить, – махнула рукой Нина Ивановна. – Иди переодевайся, а я пойду поставлю разогревать ужин.

– Давно бы так, – с чувством превосходства заметил Борис Олегович и, мурлыкая веселую мелодию, направился в спальню.

Олег вернулся к себе в комнату. Он решил еще раз позвонить Пашкову. Трубку взял отец Лешки и Сашка, известный нейрохирург Пашков-старший.

– Здравствуйте, – вежливо проговорил Олег. – Можно Ле-

шу?

– Леши нет, – устало отозвался Пашков-отец.

– А когда он будет? – спросил Олег.

– Трудно сказать, – последовал неопределенный ответ Пашкова-старшего.

– Попросите его, пожалуйста, перезвонить Олегу, – попросил мальчик.

– Попрошу.

И Пашков-отец повесил трубку.

«Странно, – подумалось Олегу. – Куда это Лешку унесло? Неужели что-нибудь случилось? И разговаривал он со мной как-то странно. Может, отправился за Сашком следить? Или еще что-нибудь интересное разузнал с тех пор, как мы с ним расстались?»

– Олечка, за стол! – хором позвали с кухни родители.

Вульф первым вылетел из комнаты. Аппетитом он мог сравниться разве что с Женькой. Олег последовал за псом. Но не успел он еще достичь кухни, как раздалось настойчивое пиканье домофона.

– Кто там? – нажал кнопку Олег.

– Это я! Пашков! – проорали в динамике домофона. – Быстро спускайся!

Глава 3

Культурное мероприятие в действии

– Сейчас спущусь, – начал натягивать кроссовки Олег.

– Куда это ты собрался? – выскочил из кухни Борис Олегович.

– Да я... папа... мне, в общем, надо, – лихорадочно придумывал какую-нибудь вескую причину сын.

– Опять со своими оболтусами во что-то влезли? – немедленно насторожился родитель.

– Да ни во что мы не влезли, – поторопился его успокоить Олег. – Просто тут Пашкову понадобилось...

– Ах, значит, Пашкову! – взревел Борис Олегович. – Папа приехал с работы! Папа хочет поужинать в кругу семьи! Но такая роскошь, конечно, ему недоступна. Вот вкалывать в поте лица – это пожалуйста!

– Папа, ну зачем ты вечно преувеличиваешь? – под шумок уже натягивал куртку Олег. – Я просто на минутку, потому что Лешке надо...

– Почему твоему Пашкову все вынь да положь? – воскликнул Беляев-старший. – Мог бы и подождать часок, пока мы поужинаем.

Тут домофон, словно назло, вновь ожил.

– Ты чего возишься? – бодренько прокричал Лешка. – Долго мне еще ждать?

Олег хотел ответить, но отец, отпихнув его, рывкнул в домофон:

– А сам ты подняться не можешь? Я, между прочим, никому не позволю вмешиваться как в свою личную жизнь, так и в распорядок семьи!

– Здравствуйте, дядя Боря, – последовала вежливая реплика Пашкова. – Как поживаете?

– Пока ты не возник, поживал прекрасно, – мрачно изрек глава семейства Беляевых. – Давай поднимайся, раз уж пришел.

– Может, лучше не надо? – проявил неожиданную деликатность Пашков. – Неудобно вас беспокоить.

– Ах тебе неудобно! – проорал Борис Олегович.

– Поднимайся, Лешка, – пресек дальнейшую дискуссию Олег. – Я уже приготовил тебе учебник.

Домофон смолк, чего нельзя было сказать о Борисе Олеговиче. Смерив пытливым взором сына, он коротко бросил:

– Не вижу учебника. Опять врешь?

– Вовсе нет, – на сей раз моментально нашелся Олег. – Я еще не успел взять учебник.

В дверь позвонили. Олег кинулся на лестничную площадку. Она была отделена от лифта еще одной дверью. Олег сейчас расценил это обстоятельство как большую удачу.

– Учти, ты пришел за учебником, – шепотом обратился

он к Лешке. – А после ужина я выйду с Вульфом. Тогда и поговорим.

Тот понимающе кивнул. Оба мальчика направились в квартиру.

Беляев-старший переднюю не покинул. Он оставался на своем наблюдательном посту до тех пор, пока Олег снабдил недоумевающего Пашкова учебником по химии. Лишь когда Лешка ушел, Борис Олегович направился в кухню.

– Вот, сын. Теперь из-за тебя все остыло, – не преминул он заметить сыну.

– Вовсе нет, Боренька, – вмешалась Нина Ивановна. – Я держала бифштексы на маленьком огне.

На это у главы семейства Беляевых не нашлось возражений, и ужин прошел очень мирно. Стараясь не показать, что торопится, Олег отсидел в кругу семьи с добрый час. Борис Олегович сперва расспросил сына о школе. Затем пустился в пространные рассуждения о творчестве супружеской четы Прощечкиных.

По его словам выходило, что современный концептуальный авангард – это полная чушь, и он, Беляев-старший, «с тихим ужасом ожидает, что сотворили Прощечкины с несчастным Шекспиром».

– По-моему, Боря, ты ожидаешь этого совсем не с тихим, а, наоборот, с очень громким ужасом, – сухо заметила жена.

– Уж извини, моя милая, – театрально развел руками муж. – Как получается, так и ожидаю.

– Мне совершенно непонятна твоя позиция, – обиженно продолжала Нина Ивановна. – Они такие милые люди. И, кстати, их театр во всем мире пользуется успехом.

– А я разве сказал, что дураки есть только у нас, в России? – победоносно воскликнул Борис Олегович.

– Спасибо на добром слове, – поджала губы Нина Ивановна.

– Ты-то при чем? – удивленно уставился на нее муж.

– При том, что мне лично творчество Прошечкиных кажется интересным, – защищалась Нина Ивановна. – Конечно, у них далеко не все бесспорно...

Олегу живо вспомнился аквариум и актеры с аквалангами. Он, не сдержавшись, фыркнул.

– А ты не бери пример с отца, – повернулась к сыну Нина Ивановна. – Если он нетерпимо относится ко всему, чего не понимает...

– Да у твоих Прошечкиных понимать нечего! – взорвался глава семейства Беляевых.

– Если ты в этом убежден, то зачем пригласил на премьеру весь Олежкин класс? – спросила Нина Ивановна.

– Чтобы знали, что и такое есть, – хмуро произнес муж. – Кстати, Олежка, – посмотрел он на сына. – А кого там Инга Турундаевская-то играет? Вообще-то она потрясающая актриса, – мечтательно произнес он. – Какая фактура! В особенности в первых фильмах. – Тут Беляев-старший даже прищелкнул языком. – Не понимаю, зачем она согласилась

участвовать в спектакле Прошечкиных?

– Инга Турундаевская там играет какую-то леди, – ответил Олег.

– Леди? – изумился Борис Олегович. – Такого, по-моему, в «Ромео и Джульетте» нет.

– Наверное, Турундаевская играет леди Макбет, – предположила Нина Ивановна.

– Нина! Ты ведь мне вроде говорила, что Прошечкины ставят «Ромео и Джульетту»? – еще сильнее удивился Борис Олегович.

– Если бы ты меня лучше слушал, Боренька, то тебе сейчас не пришлось бы задавать лишних вопросов, – покачала головой жена. – Прошечкины поставили не просто «Ромео и Джульетту», а синтетический спектакль на основе лучших трагедий Шекспира.

– О боже! – простонал Борис Олегович. – Все ясно. Леди Макбет вместе с Джульеттой задушили Отелло, а Дездемона, отравив Гамлета, вышла замуж за Ромео. Ну и, естественно, в конце пьесы Генриха Прошечкина все абсолютно счастливы. Так сказать, оптимистическая трагедия.

Олег громко расхохотался.

– Ты, Боря, можешь считать что угодно, – совсем разобиделась Нина Ивановна. – Но не навязывай своих вкусов Олежке.

– Чего тут навязывать, Нина! – все сильнее расходился Беляев-старший. – Только такая добрая душа, как ты, – простер

он в сторону жены вилку с куском котлеты, – может искренне восхищаться подобной чувшью! Синтез Шекспира! Людка в роли Джульетты!

– Люда – замечательная актриса, – перебила Нина Ивановна.

– Допустим, – перехватил инициативу Борис Олегович. – Только Джульетта – девочка, а Людка уже почти бабушка. С тем же успехом мне могут поручить роль Ромео!

– Люда не будет играть Джульетту, – заявила Нина Ивановна.

– Кого же она играет? – осведомился муж.

– Гертруду, – сказала Нина Ивановна. – Генрих ввел в свою пьесу некоторые мотивы из «Гамлета».

– Сын! – повернулся к Олегу отец. – Прости меня великодушно! Если бы я знал заранее, то и впрямь купил бы вам билеты в другой театр. Но теперь уже поздно. Придется вам всем потерпеть.

– Не расстраивайся, папа, – успокоил сын. – У нас как раз все довольны. Говорят, этот театр – одна из самых крутых тусовок в Москве.

– И совершенно правильно говорят, – подтвердила мать. – Ты, Олежка, отца не слушай. Конечно, в данном случае, – уточнила она.

– Вот посмотрит и сам разберется, – многозначительно произнес Борис Олегович.

– Я уже разобрался, – ответил Олег, бывший на многих

премьерах Прошечкиных. – Мне не особенно нравится. Но, в общем, довольно прикольно.

– Нина, а кто же Джульетту играет? – поинтересовался Борис Олегович. – Хотя погоди, не отвечай, – жестом остановил он уже открывшую рот жену. – Я, кажется, догадываюсь. Джульетты в спектакле у Генриха нет. Он ее исключил за ненадобностью.

– А вот и не угадал, – с изрядной долей злорадства сообщила Нина Ивановна. – В роли Джульетты завтра дебютирует Валька Прошечкина.

– Валькирия? – разом воскликнули Борис Олегович и Олег.

– Да, – ничуть не смутилась Нина Ивановна. – Ей восемнадцать лет. Она уже на втором курсе Школы-студии МХАТ. Генрих решил, что пора ее выпускать на большую сцену.

– Да-а, – протянул Беляев-старший. – Джульетта-Валькирия – это сильно.

– Опять недоволен! – стукнула кулаком по столу Нина Ивановна. – Что тебя теперь не устраивает? Валька очень красивая и талантливая девочка. По-моему, она просто создана для роли Джульетты.

– Возможно, Нина, ты и права, – сдался наконец муж.

– Слушайте, я давно хочу узнать, – спросил вдруг Олег. – Почему Прошечкины свою дочь называли Валькирией?

– Потому что у них никогда ничего не бывает просто, – вновь впал в обличительный пафос отец. – Не жизнь, а

сплошной концептуальный авангард. А если уж надо дать имя дочери, то подавай им исландскую сагу и оперу Вагнера!

Олег украдкой взглянул на часы. Несчастный Лешка Пашков уже около часа мерз где-то во дворе. Надо было срочно выходить с Вульфом. Пес, словно прочтя мысли хозяина, вдруг несколько раз требовательно тьякнул.

– Так. Надо с ним погулять, – мигом вышел из-за стола Олег.

Борис Олегович тоже покинул кухню и отправился смотреть по телевизору очередную информационную программу. Уже дожидаясь лифта, Олег услышал возглас отца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.